

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

УЧЕНИЦА
ТЁМНОГО
ЛОРДА

Сергей Патрушев

Ученица тёмного Лорда

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ученица тёмного Лорда / С. Патрушев — «Автор», 2026

Деревню Лии сожгли дотла по приказу инквизиции, объявив её жителей «скверной». Среди пепла и дыма девушку находит тот, кого считают воплощением зла, Тёмный Лорд Морвэн. Он не убивает её а протягивает руку. Лия, потерявшая всё, хватается за неё, не зная, что этот выбор изменит её навсегда. Морвэн обещает научить её управлять дикой силой, спящей внутри, но у тьмы есть цена. Каждый урок — боль, каждое заклинание — шаг к бездне. Лия становится сильнее, но чем глубже она погружается в мир теней, тем яснее понимает: за заботой учителя скрывается страшная тайна. Он готовит из неё не наследницу а тело для собственного бессмертия. Теперь Лия должна решить: подчиниться судьбе или бросить вызов тому, кто стал для неё единственным близким человеком. В финальной схватке сойдутся учитель и ученица и только один выйдет из руин Цитадели Теней. Тёмное фэнтези о силе, любви и цене, которую платит душа, чтобы остаться собой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и Милосердие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Ученица тёмного Лорда

Глава 1. Пепел и Милосердие

Запах гари пропитал всё. Он был вездесущ, как дыхание самой смерти, — густой, удушливый, сладковато-тошнотворный от сгоревшей плоти и горький от обугленного дерева. Он въедался в лёгкие с каждым вдохом, оседал на языке терпким пеплом, лип к коже, смешиваясь с потом и запёкшейся кровью, пропитывал волосы, одежду, саму душу, казалось, пропитывал. Этот запах нельзя было стряхнуть, от него нельзя было спрятаться, он проникал в каждую пору, в каждую клеточку измученного тела, становясь частью тебя самой. Лия стояла по колено в том, что ещё вчера утром было её домом, её улицей, её жизнью, её миром, — теперь это было лишь серое, колышущееся море пепла, простирающееся во все стороны, насколько хватало глаз. Из этого моря тут и там торчали обугленные остовы балок, словно рёбра какого-то исполинского, погибшего зверя, — чёрные, скрюченные, всё ещё дымящиеся, они тянулись к небу, как немые свидетели произошедшего кошмара. Дым поднимался тонкими, дрожащими струйками, лениво уползая в равнодушное, словно выцветшее от ужаса, небо, и в этом дыме мерещились ей призрачные силуэты — то ли ангелы, пришедшие забрать души умерших, то ли демоны, наслаждающиеся зрелищем разрушения. Солнце, багровое и размытое, висело над горизонтом, как незаживающая рана, как открытая язва на теле мироздания, и его тусклый, болезненный свет придавал картине разрушения ещё более зловещий, нереальный, почти инфернальный оттенок, заставляя тени плясать и корчиться среди руин, словно живые существа.

Тишина стояла оглушающая. Она была не просто отсутствием звуков — она была самостоятельной сущностью, тяжёлой, давящей, заполняющей собой всё пространство, проникающей в уши и остающейся там звенящим, ватным гулом. Лишь изредка, где-то в глубине руин, с тихим, почти интимным шипением проседал и рассыпался уголёк, рассыпая вокруг себя сноп крошечных искр, да ветер, прилетевший с востока, холодный и безучастный, шевелил серую пыль, вздымая её в воздух призрачными, танцующими вихрями, которые кружились на месте, словно заблудившиеся души, не находящие пути в загробный мир. Лия не плакала. Слёзы кончились, или, может быть, они просто испарились от того невыносимого жара, который всё ещё исходил от остывающих углей, от той адской температуры, что превратила дерево в уголь, а человеческие тела — в неузнаваемые, скрюченные фигуры, застывшие в последнем, предсмертном объятии. Внутри неё было пусто. Так же пусто, как в выгоревших глазницах того, что она когда-то называла домом. Эта пустота была не просто отсутствием чувств — она была активной, пожирающей силой, которая высасывала из неё саму волю к жизни, само желание продолжать существование в этом обезумевшем, жестоком мире. Мать... Отец... Младший брат Тим, который ещё вчера смеялся, запуская с ней самодельного змея, сделанного из старой простыни и ивовых прутьев, — его смех всё ещё звенел у неё в ушах, такой чистый, такой беззаботный, такой невыносимо живой. Всё это исчезло. Превратилось в жирную копоть, осевшую на стенах уцелевших каминов, в этот самый пепел, хрустящий под ногами, в этот самый дым, уносящийся в небо и растворяющийся в бесконечной синеве, словно ничего и не было.

Их пришли с рассветом. Лия помнила это с предельной, почти мучительной ясностью, словно каждый миг того страшного утра был выжжен в её памяти калёным железом. Она

проснулась от того, что солнце светило прямо в глаза — тёплое, ласковое, обещающее хороший день. Она потянулась, улыбнулась, подумала о том, что сегодня нужно будет помочь матери с прополкой огорода, а потом, может быть, сходить с Тимом на речку, половить рыбу. А потом... Потом она услышала лошадей. Много лошадей. Тяжёлый, ритмичный топот копыт, приближающийся с востока, со стороны старого тракта. И звук металла — лязг оружия, позвякивание кольчуги, скрип кожаных седел. Это были звуки войны, но Лия не сразу поняла их значение. Она выглянула в окно. И увидела их — всадников в белых плащах с золотым солнцем, символом Святого Престола. Они двигались медленно, целенаправленно, как хищники, знающие, что добыче некуда бежать. Инквизиция. Слово это звучало как приговор, как проклятие, как стук молотка по крышке гроба.

Они не спрашивали, не предъявляли обвинений, не читали приговоров. Они просто начали жечь. Первым загорелся дом старого мельника, стоявший на окраине. Потом — амбар с прошлогодним зерном. Потом — всё остальное. «Очищение скверны!» — кричал их командир, седой мужчина с лицом, изборождённым глубокими морщинами, но с горящими, фанатичным, безумным огнём глазами, в которых не было ничего человеческого, только всепоглощающая, слепая вера в свою правоту. Голос его был резким, пронзительным, как крик хищной птицы, и он врезался в уши, заглушая крики умирающих. Они прошли по деревне, как раскалённый нож сквозь масло. Мечи взлетали и опускались, факелы описывали огненные дуги, молитвы звучали непрерывно, монотонно, исступлённо. Молитвы, которые должны были освятить их деяние, но которые вместо этого лишь придавали ему характер какого-то чудовищного, извращённого ритуала. Молитвы, которые заглушали крики. Но крики всё равно прорывались. Крики мужчин, женщин, детей. Крики боли, ужаса, отчаяния. Крики, которые Лия будет слышать в кошмарах до конца своих дней.

Она видела, как её сосед, старый мельник, добрый, немного сварливый старик, который всегда угощал детей сладкими лепёшками, только и виновный в том, что у него был трактир, где собирались путники со всей округи, упал на колени прямо в уличную грязь, умоляя о пощаде. Его руки были сложены в молитвенном жесте, слёзы текли по морщинистым щекам, а губы дрожали, пытаясь произнести слова молитвы — той самой молитвы, которой учили их всех с детства. Его голова покатилась по утоптанной земле раньше, чем он успел договорить. Кровь брызнула фонтаном, орошая белоснежный плащ убийцы, но тот даже не поморщился, лишь стряхнул алые капли с лезвия меча и двинулся дальше, к следующему дому, к следующей жертве, к следующему греху, который, как он свято верил, превращался в добродетель. Она видела, как её мать пыталась закрыть собой Тима, как она прижимала его к груди, как её лицо, такое родное, такое любимое, было искажено гримасой животного страха и одновременно — отчаянной, всепоглощающей решимости защитить своё дитя любой ценой. Она видела, как белый плащ, даже не замедлившись, даже не взглянув им в лица, пронзил их обоих одним ударом — одним, единственным, точным движением, которое оборвало две жизни разом. Крик... Был ли это её крик? Она не помнила. Всё происходило как в каком-то страшном, замедленном сне, где звуки искажаются, а движения становятся тягучими, словно в смоле. Её саму, словно не заметив, отшвырнули в сторону, в канаву, заваленную сеном. Возможно, спасло её именно это. Возможно, они просто не посчитали её угрозой. Обычная испуганная девчонка. Не «скверна». Не враг. Просто мусор, который можно не замечать.

А потом... Потом был огонь. Настоящий, всепожирающий огонь, который взметнулся к небу, словно голодный зверь, вырвавшийся на свободу. И жар. Невыносимый жар, который плавил камень, изгибал железо, обращал в пепел всё, к чему прикасался. И запах, от которого её желудок скручивало до сих пор, хотя в нём уже давно ничего не было. Запах горя-

щей плоти — сладковатый, приторный, отвратительный, который невозможно забыть, который навсегда остаётся с тобой, как клеймо. Она выползла, когда всё стихло. Когда лошади инквизиторов, сытые и отдохнувшие, унесли своих хозяев дальше, на поиски новой «скверны», на новые подвиги во славу Святого Престола. Она выползла из своего убежища, из своей канавы, заваленной сеном, которое теперь тоже обуглилось по краям, и увидела то, что осталось от её мира. Ничего. Меньше, чем ничего. Пепел. И с тех пор она стояла здесь. Не в силах пошевелиться. Не в силах осознать. Не в силах даже решить, хочет ли она жить.

Прошёл час, а может, и два. А может, и три. Время потеряло всякий смысл, превратилось в бесконечную, тягучую аморфную массу, в которой прошлое смешивалось с настоящим, а будущее казалось чем-то нереальным, недостижимым, как сон, который невозможно досмотреть до конца. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные, уродливые тени, которые ползли по пепелищу, как чёрные змеи, поглощая остатки света. Лия чувствовала, как холод начинает пробираться под её разорванное, покрытое копотью платье. Холод, который шёл не снаружи, а изнутри. Холод потери. Холод одиночества. Холод осознания того, что ты осталась совсем одна в этом огромном, враждебном мире, где никто не придёт тебе на помощь, где никто не согреет тебя, где никто не скажет: «Всё будет хорошо». Потому что хорошо уже не будет. Никогда. В шестнадцать лет — остаться совсем одной. Без дома, без семьи, без надежды, без будущего. Она медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, словно вытаскивая свою руку из густого, вязкого мёда, подняла её и посмотрела. Рука была покрыта пеплом, тонким серым слоем, который плотно облегал кожу, делая её похожей на руку мертвеца. И на мгновение ей показалось, что это её собственная плоть обращается в прах. Что она сама — лишь ещё одна сгоревшая вещь на этом пожарище, лишь ещё одна жертва, лишь ещё один безымянный труп среди руин. Что она уже мертва, и всё, что происходит сейчас, — лишь предсмертная галлюцинация угасающего сознания.

И в этот момент что-то изменилось.

Сначала это было почти неуловимо — лёгкое покалывание в кончиках пальцев, словно после долгого пребывания на морозе, когда кровь начинает возвращаться в онемевшие конечности. Потом — тепло. Странное, глубинное тепло, которое зародилось где-то в самом центре её существа, в области солнечного сплетения, и начало медленно растекаться по телу, проникая в каждый орган, в каждую мышцу, в каждую клеточку. Воздух вокруг неё словно сгустился, задрожал, пошёл рябью, как вода в пруду, в которую бросили камень. Это было едва заметно, как марево над раскалёнными камнями в летний полдень, как дрожание горячего воздуха над пламенем свечи. Но Лия почувствовала это. Не кожей, а чем-то более глубоким, более древним, тем, что, как ей всегда говорили, у неё нет. Тем, что священники называли даром, а инквизиторы — скверной. Пространство вокруг неё искажалось, заставляя очертания руин плыть и расплываться, словно отражение в потревоженной воде, словно смотришь сквозь толщу некачественного, мутного стекла. Исходивший от пепла жар вдруг снова стал осязаемым, но теперь он был иным — не грубым жаром пламени, а каким-то пронизывающим, вибрирующим теплом, которое, казалось, исходило от неё самой. Оно пульсировало, как живое существо, как второе сердце, бившееся в унисон с её собственным, но с каждым ударом становившееся всё сильнее, всё требовательнее, всё неистовее.

Откуда-то из глубины живота оно поднималось, растекаясь по венам, наполняя каждую клеточку тела этой дрожащей, неуправляемой энергией, которая искала выхода, которая требовала освобождения, которая грозила разорвать её изнутри, если она не даст ей этот выход. Это было страшно. Страшно до дрожи в коленях, до холодного пота, выступившего на лбу, до судоро-

рожного, прерывистого дыхания. И это было... правильно? Словно что-то, спавшее внутри неё всю жизнь, наконец пробудилось. Словно недостающая часть её души вдруг встала на место. Словно сама ткань мироздания, изорванная и окровавленная этой чудовищной жестокостью, отзывалась на её немую, бессильную ярость, на её отчаяние, на её боль. Это было как крик. Как беззвучный, но оглушительный крик, который она не могла исторгнуть из своего горла, но который теперь вырывался через саму реальность, искажая её, разрывая её, перекраивая по своему подобию.

Лия не понимала, что происходит. Она не знала, что её зрачки расширились, почти полностью поглотив радужку, что глаза её теперь казались двумя бездонными чёрными колодцами, в которых не отражался свет. Она не знала, что по её волосам, некогда каштановым, а теперь серым от пепла, пробегают крошечные, едва видимые разряды, потрескивающие, как статическое электричество. Она не знала, что камни под её ногами начали мелко вибрировать, подпрыгивать, словно земля под ними ожила, а призрачные вихри пепла, кружащие в воздухе, стали закручиваться вокруг неё в медленном, гипнотическом танце, подчиняясь её неосознанной воле. Всё, что она чувствовала, — это колоссальное, невыносимое давление этой силы, которая, казалось, вот-вот разорвёт её изнутри, разнесёт на мельчайшие частицы, растворит в этом самом воздухе, который она сама же и искажала. И одновременно — невероятное, пьянящее чувство освобождения. Освобождения от страха, от боли, от самой себя. Сила не была доброй. Она была дикой, хаотичной, необузданной, рождённой из боли и отчаяния, из пепла и смерти. Но она была её. И в этот момент, в это самое мгновение, Лия впервые за весь этот бесконечный, кошмарный день почувствовала себя живой. Потому что эта сила, какой бы разрушительной она ни была, была доказательством того, что она всё ещё существует, что она ещё здесь, что она ещё не превратилась в пепел. Что она всё ещё способна чувствовать, желать, бороться. Что она — нечто большее, чем просто жертва, чем просто выжившая, чем просто пепел среди пепла.

И в этот момент она его увидела.

Он появился не из ниоткуда. Это было бы слишком просто, слишком банально для него. Он словно материализовался из самой тьмы, из теней, сгустившихся на краю пепелища, из самого сгустившегося воздуха, который, казалось, расступился перед ним, признавая его право на существование. Просто шагнул в багровый свет заката, и реальность вокруг него, казалось, снова обрела чёткость, отступая перед его присутствием, словно признавая его высшую силу. Тёмный Лорд. Владыка Морвэн. Имя, которым пугали непослушных детей. Имя, которое шептали с ужасом и ненавистью в каждой церкви, в каждом королевском зале, в каждом доме, когда хотели напугать кого-то. Имя, которое, как считалось, приносит только смерть и разрушение. Имя, которое было синонимом зла. Но теперь, видя его перед собой, Лия не могла понять, почему.

Он был высок, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Рост его был, скорее, средним, но в нём было что-то такое, что заставляло его казаться выше, значительнее, масштабнее, чем он был на самом деле. Возможно, это была его осанка — прямая, величественная, исполненная какого-то спокойного, врождённого достоинства. Возможно, это была аура силы, которая окружала его, — плотная, почти осязаемая, давящая на плечи, затрудняющая дыхание. Его фигуру скрывал длинный плащ цвета воронова крыла, ниспадавший с плеч тяжёлыми, струящимися складками, которые колыхались при каждом движении, словно живые. Капюшон был откинут, открывая лицо. Лия ожидала увидеть чудовище. Искажённое злобой, покрытое шрамами, с горящими алым огнём глазами. Или старика, согбенного под тяжестью веков и

тёмных дел, с лицом, изрытым морщинами, как кора древнего дуба. Но увидела мужчину, чей возраст было невозможно определить. Его лицо было бледным, с высокими скулами и чётко очерченными, словно высеченными из камня, линиями. Нос прямой, с лёгкой горбинкой. Губы тонкие, но не жестокие, скорее — строгие, волевые. И глаза. Глубокие, тёмные, почти чёрные, они смотрели на неё с выражением, которое она не могла разгадать. Это не была жалость. Не была жестокость. Не была ненависть. Это был холодный, предельно сосредоточенный интерес. Изучение. Оценка. Как будто он смотрел на неё и видел нечто, скрытое от неё самой. Как будто он смотрел сквозь неё, в самую глубину её существа, туда, где билась и пульсировала эта дикая, необузданная сила.

В его чёрных, как смоль, волосах, собранных в простой хвост на затылке, не было седины, но в глубине его глаз, в едва заметных морщинках у уголков рта, в какой-то усталой, почти неуловимой складке между бровей, читался груз прожитых лет, несоизмеримый с человеческой жизнью. Он был стар. Не стар, как старик, доживающий свои последние дни, а стар, как гора, как море, как само время. Он был стар, но не был сломлен. В нём чувствовалась колоссальная, несокрушимая сила, которая с годами становилась лишь крепче, лишь опаснее. На его поясе, в простых, без каких-либо украшений, ножнах, висел длинный меч. Но ощущение смертельной опасности исходило не от меча. Оно исходило от самого Морвэна. Он был как лезвие, заключённое в ножны человеческой плоти. Он был как спящий вулкан, который в любой момент мог проснуться и поглотить всё вокруг. Он был как сама смерть, принявшая человеческий облик, но не утратившая своей сути. И эта суть была видна в каждом его движении, в каждом взгляде, в каждом вдохе.

Лия не испугалась. Это было странно. Это было неправильно. Она должна была бояться. Она должна была бежать. Она должна была кричать. Но она стояла и смотрела на него, на человека, чьё имя, по словам инквизиторов, и было причиной их кровавого похода, и не чувствовала ничего, кроме этой вибрирующей пустоты внутри и странного, болезненного любопытства. Он пришёл. Он, должно быть, и есть та самая «скверна», которую так яростно искали белые плащи. Они сожгли деревню, чтобы добраться до него? Или чтобы предупредить? Или чтобы наказать тех, кто мог укрывать его? Неважно. Всё это больше не имело значения. Её мир уже сгорел. И этот человек, этот Тёмный Лорд, был единственной живой душой, которую она видела за последние часы. Единственным, кто мог дать ей ответы. Или хотя бы смерть.

Морвэн медленно приближался. Его шаги были бесшумны, он ступал по пеплу, не оставляя следов, словно был лишь бесплотным духом, лишь тенью, лишь порождением её измученного воображения. Но когда он подошёл ближе, Лия почувствовала исходящую от него силу. Это было не то жалкое дрожание воздуха, что окружало её, — не хаотичная, дикая, необузданная мощь, рвущаяся наружу. Это была древняя, монолитная, чудовищно контролируемая сила. Она обтекала его, как невидимая мантия, как второй слой кожи, как аура, которая была настолько плотной, что, казалось, к ней можно было прикоснуться. И она давила на плечи, затрудняя дыхание, заставляя сердце биться быстрее, а мысли — путаться. Тем не менее, она не была направлена на неё. Это было просто его естественное состояние. Он был как солнце, излучающее свет и тепло, — только вместо света и тепла он излучал тьму и холодную, расчётливую мощь. И эта мощь была настолько велика, что Лия вдруг почувствовала себя крошечной, ничтожной, бесконечно малой. Она почувствовала себя тем, чем и была на самом деле, — шестнадцатилетней девчонкой, стоящей по колено в пепле перед лицом силы, которая могла стереть её с лица земли одним движением бровей.

Он остановился в нескольких шагах от неё. Его взгляд скользнул по её лицу, по её изодранной одежде, по колышущемуся вокруг неё пеплу, по тому, как дрожал воздух, подчиняясь её неосознанному зову. В его глазах что-то промелькнуло. Не удивление, нет. Скорее, подтверждение. Как будто он с самого начала знал, что найдёт здесь нечто подобное. Как будто он пришёл сюда именно за этим. Как будто он искал её. Он поднял руку. Движение было плавным, даже ленивым, но Лия инстинктивно дёрнулась, ожидая удара. Она не боялась смерти, но её тело жило своей жизнью, срабатывая на рефлекс, на инстинкты, на древний, животный страх перед опасностью. Её мышцы напряглись, готовые к бегству или к бою, хотя и то и другое было бы одинаково бесполезным.

Но удара не последовало. Морвэн просто сделал пасс рукой, словно разглаживая невидимую скатерть, словно стирая что-то с поверхности реальности. И воздух вокруг Лии послушно замер. Дрожь прекратилась. Давление, которое она чувствовала изнутри, не исчезло, но улеглось, свернулось тугим, горячим комком где-то под сердцем, словно дикий зверь, которого на время успокоили. Она сделала резкий, судорожный вдох, как человек, вынырнувший из-под воды. Пепельный вихрь, круживший вокруг неё, осыпался на землю, оставляя её стоящей в серой позёмке, которая медленно оседала, словно снег в безветренный день. Тишина, наступившая после этого, показалась ей оглушительно громкой. Это была не та тишина, что царила на пепелище до его прихода, — тишина смерти и разрушения. Это была новая тишина, полная ожидания, полная скрытого напряжения, полная невысказанных слов. Тишина, в которой слышно было только её собственное дыхание — судорожное, прерывистое, словно она только что пробежала много миль без остановки.

Морвэн опустил руку. Его взгляд, наконец, встретился с её взглядом. И в этот момент Лия почувствовала, как что-то в ней сжалось. Потому что в его глазах, в этих тёмных, бездонных глазах, она увидела не равнодушие, не презрение, не ненависть. Она увидела понимание. Понимание, которое было глубже, чем она могла себе представить. Понимание, которое исходило от человека, который сам когда-то, возможно, стоял по колено в пепле своей прежней жизни.

— Кто ты? — спросил он. Его голос был негромким, но он проникал, казалось, в самую душу, минуя уши, минуя плоть, минуя все барьеры, которые она могла бы воздвигнуть. Голос был лишён каких-либо эмоций. Просто вопрос. Просто констатация необходимости получить информацию.

Лия молчала. Слова застряли в горле, словно комья этого проклятого пепла, словно осколки стекла, словно крики, которые она так и не смогла исторгнуть. Кто она? Она — никто. Просто Лия. Дочь плотника. Сестра Тима. И всего этого больше нет. Всё, чем она была, всё, кем она была, — всё это сгорело в огне, обратилось в прах, развеялось по ветру. Она — пустая оболочка, наполненная только этой дикой, неуправляемой силой и этой всепоглощающей пустотой.

— Ты чувствуешь это? — снова спросил он, слегка склонив голову набок, словно изучая её под новым углом. — Эту силу, что готова разорвать тебя изнутри? Что пульсирует в твоих венах, как расплавленный металл? Что ищет выхода и не находит его?

Она с трудом, но кивнула. Слова были всё ещё невозможны. Но кивок — это уже было что-то. Это было признание. Признание того, что она не понимает, что с ней происходит, но чувствует это. Чувствует всем своим существом.

— Это дар, — произнёс он. — Или проклятие. Зависит от того, кто будет учить тебя. — В его голосе не было ни назидания, ни иронии. Просто констатация факта. Просто информация, которую он считал нужным ей сообщить. — Таких, как ты, инквизиция выжигает в первую очередь. Они чуют этот дар, как псы чуют кровь. Как стервятники чуют падаль. И боятся его. Боятся того, что не могут контролировать. Того, что может угрожать их власти. Того, что делает их самих уязвимыми.

— Они... убили всех, — прошептала она. Голос был хриплым, чужим, словно принадлежал не ей, а кому-то другому, кто вселился в её тело. — Они не спрашивали... о даре. Они просто... жгли. Они сожгли мою маму. Моего брата. Они сожгли всё. Всё, что у меня было. Всё, что я любила. Всё, ради чего стоило жить.

Морвэн выслушал её не перебивая. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глубине его глаз мелькнуло что-то, похожее на тень эмоции. Возможно, это была тень понимания. Возможно, тень воспоминания. Возможно, тень гнева, направленного не на неё, а на тех, кто сотворил всё это. Или, возможно, ей это просто показалось.

— Это их природа, — произнёс он. — Уничтожать то, что они не могут контролировать или понять. Они пришли сюда за мной. Но нашли лишь крестьян, которые, по их мнению, могли укрывать меня или скверну. Твоя деревня была лишь точкой на карте. Случайностью. Они не знали о тебе. Иначе не ушли бы, не убедившись в твоей смерти. Твой дар слишком силен, чтобы они могли его игнорировать. Они бы нашли тебя. Они бы испытали тебя. Они бы сожгли тебя на костре, как сожгли тысячи таких, как ты.

Его слова упали на неё, как камни. Тяжёлые, холодные, неумолимые. Случайность. Все, кого она любила, погибли из-за случайности. Из-за того, что Он, Владыка Морвэн, проходил где-то рядом. Из-за того, что инквизиторы решили, что именно эта деревня может быть укрытием для него. Из-за того, что их командиру показалось, что здесь есть «скверна». Случайность. Гнев, слепой и неистовый, вспыхнул в ней, затопив на мгновение пустоту. Это был не тот тихий, вибрирующий жар силы. Это была простая, человеческая, обжигающая ярость. Ярость, которая требовала выхода. Ярость, которая требовала виноватых. Ярость, которая искала цель, на которую можно было бы обрушиться.

— Это из-за тебя! — выкрикнула она, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы. Голос сорвался на крик, на визг, на рыдание. — Они пришли из-за тебя! Они убили их всех, потому что искали тебя! Ты виноват! Ты! Ты! Ты!

Морвэн даже не моргнул. Он просто смотрел на неё, и в его взгляде не было ни гнева, ни раздражения, ни желания оправдаться. Только спокойное, холодное принятие её обвинений. Как будто он слышал это уже тысячу раз. Как будто он давно перестал спорить с такими обвинениями, понимая их бессмысленность.

— Возможно, — спокойно согласился он. — Если тебе станет легче, ты можешь винить меня. Я не буду тебе мешать. Ненависть — это тоже топливо. Она может согреть тебя в холодные ночи. Она может дать тебе силы идти дальше. Но она не вернёт твою семью. Она не восстановит твою деревню. И если ты останешься здесь, лелея свою ненависть, она лишь ускорит твою смерть. Звери, холод, или новый отряд инквизиции, который вернётся проверить, не уцелел ли кто. Твоя сила, нестабильная и дикая, вспыхнет снова, и на этот раз они точно её

почувствуют, даже на расстоянии. Они придут за тобой. И тогда твоя ненависть не спасёт тебя. Она лишь поможет им разжечь костёр.

Лия смотрела на него, тяжело дыша. Слёзы, наконец, прорвались, прокладывая грязные дорожки по её испачканным щекам, смывая слой пепла, обнажая бледную, воспалённую кожу. Она не хотела плакать перед ним. Она не хотела показывать ему свою слабость. Но слёзы не спрашивали разрешения. Они текли и текли, неудержимо, горячо, смывая с неё остатки прежней жизни. И вместе с ними уходила ярость. Уходила, оставляя после себя лишь ту же самую выжженную, бесплодную пустошь. Пустошь, на которой уже ничего не могло вырасти. Или могло?

— Что... что мне делать? — выдохнула она. Это был вопрос не к нему. Это был вопрос в пустоту. В то самое небо, которое равнодушно смотрело на гибель её дома. В ту самую землю, которая впитала кровь её близких. В ту самую реальность, которая допустила всё это.

Морвэн сделал шаг вперёд. Теперь их разделял всего шаг. Она почувствовала запах, исходивший от него. Не запах смерти или серы, как ожидалось. Не запах тлена и разложения. Он пах морозным ветром, старой кожей и чем-то, похожим на дым от далёкого лесного пожара. Этот запах был странно успокаивающим. Странно знакомым. Как будто она знала его всю жизнь, хотя видела этого человека впервые.

— Ты можешь умереть здесь, — сказал он. — Это просто. Это легко. Достаточно просто остаться. Или можешь пойти со мной.

Его предложение было простым. Настолько простым, что Лия не сразу осознала его значение. Она подняла на него глаза. В них всё ещё стояли слёзы, но теперь в них появилось что-то новое. Искра. Слабая, едва теплящаяся, но всё же искра. Искра того самого любопытства, которое она почувствовала раньше. Искра желания жить, которое, как она думала, умерло в ней вместе со всеми остальными.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем я тебе? Что ты хочешь от меня?

Морвэн на мгновение задумался, словно обдумывая, стоит ли ей отвечать честно. Его взгляд на мгновение ушёл в сторону, скользнув по руинам, по пеплу, по дыму, поднимающемуся в небо. Потом он снова посмотрел на неё, и в его глазах она увидела что-то, чего не ожидала увидеть. Решимость.

— Твой дар, — произнёс он. — Он редкий и мощный. Я не видел такого уже очень давно. Он может быть использован. Брошенный на произвол судьбы, он уничтожит тебя. А со временем, возможно, и не только тебя. Необузданная сила подобна пожару. Она не разбирает, что пожирать. Она просто горит, пока есть чему гореть. Инквизиция боится таких, как ты, именно потому, что знает, к чему приводит этот пожар. Они видели его последствия. Они сами создавали их. Я же... — он слегка усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. — Я могу научить тебя управлять пламенем. Если захочешь.

— Управлять? — переспросила Лия. Её голос дрожал, но в нём уже не было истерики. Только усталость и какая-то глухая, безысходная покорность судьбе. — И что мне потом делать с этим? Сжигать деревни? Убивать невинных? Стать такой же, как они?

— Это будет твой выбор, — ответил он. — Как и то, выживешь ты или нет. Я не предлагаю тебе мести. Хотя, если ты будешь упорна в своих занятиях, она может стать твоей. Я не предлагаю тебе спасение. Оно, скорее всего, обернется иным, не менее опасным путём. Я предлагаю тебе знание. И шанс. Не более.

Он протянул ей руку. Ту самую руку, которая только что, одним движением, успокоила бурю её силы. Длинные, бледные пальцы. Ладонь, повернутая вверх. Жест, который мог быть как приглашением, так и ловушкой. Жест, который мог изменить всё. Жест, который мог стать началом нового пути или концом старого.

Лия смотрела на эту руку. Её взгляд метался между его непроницаемым лицом и этой раскрытой ладонью, которая, казалось, заключала в себе всю её возможную судьбу. Пепел её старого мира хрустел под ногами, напоминая о том, что она потеряла. Внутри неё всё ещё была пустота, но где-то в этой пустоте, как уголёк в остывающем кострище, разгоралось то самое, необъяснимое тепло силы. Или, может быть, это было просто желание жить. Животное, инстинктивное, отчаянное желание, которое она считала угасшим, но которое, как оказалось, всё ещё тлело где-то в глубине.

Пойти с Тёмным Лордом. С врагом, из-за которого погибла её семья. С человеком, которого весь мир считал воплощением зла. Это было безумием. Предательством самой их памяти. Каждая крупинка пепла вокруг неё, казалось, кричала: «Нет! Не смей!» Каждый обугленный остов дома, казалось, тянулся к ней, пытаясь удержать. Каждая тень, падавшая на пепелище, казалось, шептала: «Останься. Умри с нами. Так будет правильно». Но что её ждало здесь? Медленная, мучительная смерть среди руин. Или бегство в никуда, с дикой силой, готовой вырваться в любой момент и выдать её с головой. Страх. Одиночество. Неизвестность. А он предлагал ей... что? Он предлагал путь. Каким бы тёмным, каким бы проклятым он ни был. Он предлагал ей будущее, которого у неё иначе не было. Он предлагал ей цель, которой у неё иначе не было. Он предлагал ей шанс, который она, возможно, не заслужила.

Она снова подняла взгляд на Морвэна. Теперь, в угасающем свете заката, его фигура казалась ещё более зловещей. Но в то же время, в нём была странная, пугающая надёжность. Он не лгал. Она почему-то была в этом уверена. Он говорил правду, какой бы горькой она ни была. Он не обещал ей лёгкой жизни. Он не обещал ей спасения. Он не обещал ей мести. Он просто предлагал ей выбор. И этот выбор был только за ней.

Медленно, словно преодолевая сопротивление самого воздуха, словно пробираясь сквозь невидимую стену, Лия подняла свою испачканную, дрожащую руку. Её пальцы, холодные и заочевшие, коснулись его ладони. Его рука была тёплой. Сухой. И его хватка, когда он сомкнул пальцы вокруг её ладони, была крепкой и неожиданно бережной. Он не тащил, не тянул. Он просто держал её руку, давая ей точку опоры в этом зыбком, сгоревшем мире. В этом мире, который развалился на куски, но в котором, возможно, ещё можно было найти свой путь.

Она сделала шаг. Её ноги, по колено утопавшие в пепле, с трудом вырвались из этого серого плена. Ещё шаг. Мир качнулся перед глазами. Земля ушла из-под ног. Сознание помутилось, и на мгновение ей показалось, что она падает, падает в бесконечную, серую, пепельную бездну, из которой нет возврата.

Морвэн поддержал её, не дав упасть. Его рука легла на её плечо, удерживая на ногах, возвращая её в реальность.

— Вот и всё, — тихо произнёс он. Его голос прозвучал у самого её уха, спокойный, ровный, лишённый каких-либо эмоций. — Первый шаг.

Лия не ведала, куда лежит их путь. Она лишь смутно ощущала, как реальность вокруг меняется, подчиняясь воле того, кто вёл её за руку. Возможно, они направлялись в мрачную цитадель, возвышающуюся на скалах, где ветер воет голосами забытых душ. Или в самый эпицентр бушующей войны, где воздух пропитан гарью, а земля навсегда пропиталась кровью. А быть может, их дорога вела напрямик в сердце тьмы — туда, где не звучат молитвы и где гаснет последний луч надежды, но Лие было всё равно.

Всё, что осталось у неё за спиной, превратилось в пепел. Не в воспоминания, согревающие душу, а в горький, колючий пепел, который оседал на лёгких при каждом вдохе. Она не оглядывалась. Там, позади, больше не было ничего, ради чего стоило бы остановиться. Только тишина. Только дым. Только обугленные руины её прежней жизни.

Впереди же, ведомая твёрдой, уверенной рукой, она шагала в неизвестность. И какой бы пугающей ни казалась эта неизвестность, какой бы холодной ни была тьма, сгущающаяся вокруг, она не могла быть страшнее того, что Лия уже пережила. Ад, из которого она вышла, остался позади, и никакие демоны грядущего не могли сравниться с теми, что уже смотрели ей в лицо. Она Лия.

Это имя всё ещё звучало в её сознании, как напоминание о том, кем она была. Ученица Тёмного Лорда. В этом титуле было столько же горечи, сколько и неизбежности. Вчера — простая дочь плотника, девушка, чьи руки знали тепло дерева, а сердце не ведало ни подлости, ни предательства. Сегодня — выжившая, прошедшая через огонь и оставшаяся стоять. Та, что потеряла всё, но сохранила искру жизни. А завтра?

Завтра её ждало нечто большее. Возможно, впервые за долгое время она начнёт не просто выживать, но и учиться. Учиться управлять той тёмной силой, что теперь течёт в её венах, подобно расплавленному металлу. Учиться понимать этот новый, враждебный мир, который не оставил ей иного выбора. Мир, где слабость карается смертью, а доверие — непозволительная роскошь.

Всё же, где-то глубоко внутри, в той потаённой части души, куда не проникал даже её собственный разум, начинало зарождаться нечто странное. Оно рождалось из боли и ненависти, но не было ни тем, ни другим. Словно крошечный росток, пробивающийся сквозь толщу пепла, оно тянулось к чему-то, чему Лия пока не могла дать имени. Это было любопытство.

Вместе с ним первая, робкая, почти незаметная искра надежды. Надежды на то, что из этого пепла ещё можно возродиться. Что даже после такого разрушения, после такой потери, после такого жестокого предательства жизнь всё ещё имеет право продолжаться. Что судьба — это не приговор, а лишь черновик, который можно переписать заново. Ведь даже из пепла, при должном упорстве и верном руководстве, можно вырастить нечто новое, что будет сильнее прежнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.